

АКАДЕМИК ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ И ИМЭМО РАН

Свой среди своих

*Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.*

Евгений Примаков

Более полувека академика Евгения Максимовича Примакова связывали тесные, можно сказать, родственные отношения с Институтом мировой экономики и международных отношений. Около двенадцати лет он непосредственно проработал в Институте – сначала старшим научным сотрудником, потом заместителем директора, а в 1985–1989 гг. директором ИМЭМО. Здесь он защитил свою докторскую диссертацию и стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, отсюда ушел в большую политику. Где бы ни работал впоследствии академик Примаков, он никогда не порывал связи с Институтом, который в 2015 г., после его смерти, добавил к своему названию имя этого выдающегося ученого и государственного деятеля.

Биография Примакова достаточно хорошо известна. Тем не менее, есть смысл хотя бы кратко остановиться на тех ее эпизодах, которые, прежде всего, связаны с ИМЭМО, а также на тех, которые характеризуют личность Евгения Максимовича и его качества как выдающегося ученого-международника.

* * *

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

«Я, Примаков Евгений Максимович, родился 29 октября 1929 года в Киеве в семье служащих. Отец умер, когда мне было три месяца. (К этому времени мы уже переехали в Тифлис). Воспитывался матерью – Примаковой Анной Яковлевной, проработавшей последние 35 лет своей жизни в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 году умерла в Тбилиси. В 1937 г. поступил в Тбилисскую 47-ю среднюю школу. В 1944–1946 гг. был курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища Министерства обороны СССР. (Отчислен по состоянию здоровья). После училища продолжил занятия в средней школе в Тбилиси. Окончил ее в 1948 году и в том же году поступил в Московский институт востоковедения <...>».¹

¹ Личное дело Е.М. Примакова. // Архив ИМЭМО РАН.

Тбилисское детство и юность сыграли очень важную роль в формировании характера Евгения Максимовича. «Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе, отличавшемся, особенно в те годы, теплым и душевным климатом, – пишет Леонид Млечин, один из биографов Примакова. – Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриархальные нравы и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и, таким образом, принадлежал к какой-то группе, сообществу. Здесь было принято помогать друг другу кто чем может.

Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми».²

Перебравшись в Москву с ее жесткими нравами и правилами выживания, Примаков сумеет сохранить те душевные качества, которые сформировались у него в тбилисский период жизни. Москва, наверное, повлияла лишь на манеру поведения Примакова, который казался тем, кто его мало знал, человеком сдержанным и даже мрачноватым. Однако, как единодушно свидетельствуют его друзья и давние коллеги, этот имидж не имел ничего общего с реальным Примаковым – человеком жизнерадостным, дружелюбным, отзывчивым и надежным...

Впоследствии, оказавшись на политическом Олимпе, он станет свидетелем череды предательств, характерных для «двора» Горбачева и особенно – Ельцина. Горькая чаша не минует и его самого, но при всех обстоятельствах никто и никогда не мог даже заподозрить Примакова в отступничестве от друзей и соратников.

В Московском Институте востоковедения Евгений Примаков учился на арабском отделении, овладев, помимо арабского, еще и английским языком. В 1953 году он получает диплом по специальности «страновед по арабским странам» и тогда же поступает в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

После аспирантуры перед Примаковым открывались возможности для университетской или академической карьеры,³ но он решил начать с международной журналистики. В течение шести лет (сентябрь 1956–сентябрь 1962 гг.) Евгений Примаков работает в системе Госкомитета по телевидению и радиовещанию при Совете министров СССР – сначала корреспондентом, затем ответственным редактором, заместителем главного редактора и, наконец, главным редактором редакции иностранного вещания. В поле зрения его профессиональных интересов – актуальные вопросы текущей

² Млечин Леонид. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С.579.

³ В 1960 году Примаков защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук. Еще в 1956 году он публикует свою первую книгу – «Страны Аравии и колониализм».

международной жизни, в частности, развертывание национально-освободительного движения на Арабском Востоке. В 1958 году Примакова включают в число журналистов, сопровождавших Н.С. Хрущева в его поездке в Албанию. По каким-то причинам, о чем достоверно не знал и сам Евгений Максимович, на последующие несколько лет он оказался «невъездным». За границу его перестали пускать даже в туристические поездки⁴.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«В это время (1962 год. – П.Ч.) Валентин Зорин, известный радиожурналист, познакомил меня с заместителем главного редактора «Правды» Н.Н. Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в «Правду» обозревателем отдела стран Азии и Африки. Понимая, насколько ответственно работать в органе Центрального Комитета, которым была газета «Правда», и искренне стремясь наконец-то поставить, как говорится, все точки над «i», я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то «хвост», так как с определенного времени мне начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему: «Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента «Правды» в одной из капиталистических стран». Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

Для проверки нужно было определенное время – такие уж тогда были порядки. Предполагая, что на мой уход может негативно отреагировать М.А. Харламов⁵ (так и получилось, причем к нему присоединился его первый заместитель, блестящий профессионал Э.Н. Мамедов), Иноземцев предложил мне подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в ИМЭМО. Николай Николаевич сказал, что переговорит с директором ИМЭМО академиком А.А. Арзуманяном, чьим заместителем он был до перехода в «Правду», и объяснит ему временный характер моего нахождения в институте.

Я прошел по конкурсу в 1962-м, одновременно получив звание старшего научного сотрудника. Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

- Когда можете приступить к работе? – спросил Павел Алексеевич.

⁴ *Примаков Евгений*. Годы в большой политике. М., 1999. С.16.

⁵ Тогдашний председатель Гостелерадио СССР. – П.Ч.

- Мне было бы крайне неудобно делать это без согласия Арзуманяна, и вообще в институте хорошо работается, да и окружают меня очень интересные и доброжелательные люди, – ответил я.
- Договоритесь с Арзуманяном, – Сатюков обратился к Иноземцеву. – Трех дней, я думаю, вам достаточно, – это уже было сказано мне.

Таков был стиль в партаппарате, даже в партийной печати, и я тогда воспринимал его как вполне нормальный. После того, как мы вышли из кабинета «Главного» – так в то время во всех газетах величали главного редактора, – Иноземцев передал мне, что у «соответствующих органов» нет возражений против моей поездки в качестве собкора «Правды»⁶.

Таким образом, в первый раз поработать в ИМЭМО Примакову довелось всего четыре месяца.

В «Правде» же он отработал семь с половиной лет – с декабря 1962-го по апрель 1970 г. – сначала обозревателем, а затем собкором в Египте, Ливане, Судане, Йемене, Эфиопии, Ливии, Кении и Уганде⁷.

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

«В 1965 году состоялось решение инстанций о моей поездке в Кению в качестве советника вице-президента республики. Но поездка не состоялась в результате внутренних изменений в Кении – я не получил визы. В этом же году был направлен собственным корреспондентом «Правды» в арабские страны – сначала с местом пребывания в Каире, а с лета 1969 года – в Бейруте»⁸.

Непосредственное детальное знакомство с политическими и экономическими реалиями арабских и африканских стран в скором времени превратило Примакова в ведущего советского эксперта по проблемам Арабского Востока. Еще работая в «Правде», он написал и в 1968 году защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию, посвященную социально-экономическим проблемам Египта эпохи президента Г.А. Насера⁹.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Главным» в «Правде» в то время был М.В. Зимянин. Он отнюдь не был сторонником моей научной деятельности, предоставив мне перед защитой отпуск на две недели без сохранения содержания. Но я его не виню в этом. Может быть, он знал, что перед защитой, которая проходила в ИМЭМО, я получил предложение от Н.Н. Иноземцева, в то время уже назначенного директором института после смерти А.А.

⁶ Примаков Евгений. Указ соч. С.16-18.

⁷ Личное дело Е.М. Примакова. // Архив ИМЭМО РАН.

⁸ Там же.

⁹ В соавторстве с И. Беляевым в 1972 году Е. Примаков публикует книгу - «Египет президента Насера». В 1978 г. выйдет его солидная монография - «Анатомия ближневосточного конфликта».

Арзуманяна, перейти на работу его первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г.А. Арбатов – директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады»¹⁰.

Примаков принял предложение Иноземцева и весной 1970 года вернулся в ИМЭМО, где на этот раз ему предстояло проработать около восьми лет.

Из Постановления Президиума Академии наук СССР от 30 апреля 1977 г. (№377):

<...> «Назначить доктора экономических наук Примакова Евгения Максимовича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик - М.В. Келдыш

И.о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР – Г.Д. Афанасьев»¹¹.

* * *

С его приходом в ИМЭМО сотрудники Института сразу же почувствовали, что в команде Иноземцева появился «форвард». В рекордно короткий срок Примаков занял особое положение среди четырех заместителей Иноземцева, став «вторым человеком» в ИМЭМО. Но уже тогда в нем просматривались лидерские качества человека, способного на большее, чем быть при ком-то «вторым номером». В периоды частых отлучек Иноземцева из Института (тот постоянно привлекался к подготовке материалов пленумов и съездов партии, а также выступлений Брежнева, работая в загородных резиденциях Генерального секретаря ЦК КПСС) Примаков замещал директора, руководя текущей работой ИМЭМО. Непосредственно же он курировал всю международно-политическую и военно-политическую проблематику, разрабатывавшуюся в Институте, включая, разумеется, весь комплекс вопросов, связанных с изучением «Третьего мира» и с эволюцией ближневосточного конфликта.

Вскоре после прихода в ИМЭМО Примаков выступил с инициативой проведения так называемых ситуационных анализов – совещаний экспертов по конкретным, наиболее злободневным вопросам текущей международной жизни. Такого рода совещания существенно отличались от различного рода научных конференций, симпозиумов и других обсуждений, регулярно проводившихся в академических институтах. Главное отличие заключалось в непривычной для советских ученых-гуманитариев свободе мысли, высказываний и оценок, допускавшихся на этих закрытых «ситанализах». Это был

¹⁰ *Примаков Евгений*. Указ соч. С.18.

¹¹ Личное дело Е.М. Примакова. // Архив ИМЭМО РАН.

серьезный разговор на конкретную тему с обязательными четкими выводами и рекомендациями, адресованными партийно-государственному руководству СССР.

Первый ситуационный анализ под руководством Е.М. Примакова в ИМЭМО был проведен 16 октября 1970 года. Он был посвящен выяснению возможных последствий Московского договора от 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ. В то время у советского руководства еще не было уверенности в успешной ратификации Бундестагом этого договора, открывшего новую главу в истории отношений СССР и ФРГ и, как выяснилось вскоре, ставшего отправной точкой в процессе разрядки международной напряженности в Европе. Не было в Москве и уверенности в самой правильности нового политического курса на нормализацию отношений с вчерашними «западногерманскими реваншистами». По результатам ситанализа, проведенного тогда в ИМЭМО с привлечением экспертов Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР и Международного отдела ЦК КПСС, в директивные органы были направлены обоснованные рекомендации по продолжению курса на налаживание сотрудничества с ФРГ. В итоговом документе особо подчеркивалась необходимость развития диалога с СДПГ, руководители которой «свободны от того груза иллюзий и ошибок, которые определяли политику старого христианско-демократического руководства». Они, отмечалось в документе, лучше понимая «реальное положение вещей, сумели создать себе (и не без основания) репутацию более гибких политиков»¹².

Первый опыт краткосрочного прогнозирования развития конкретной международно-политической ситуации оказался удачным. Он был поддержан Н.Н. Иноземцевым и стал более широко внедряться в исследовательский арсенал ИМЭМО. Инициатива Примакова вызвала живой интерес в научном коллективе ИМЭМО. В дальнейшем под руководством Е.М. Примакова, при участии д.и.н. В.И. Гантмана и к.т.н. В.И. Любченко, была подготовлена научно обоснованная методика краткосрочного международно-политического прогнозирования, каковым становились ситуационные анализы.

В 1974 году Е.М. Примаков возглавил в ИМЭМО работу по анализу последствий и перспектив развития энергетического кризиса, охватившего Запад в результате четвертой арабо-израильской войны (октябрь 1973 г.), когда нефтедобывающие арабские страны начали бойкотировать государства, поддерживавшие Израиль, что вызвало резкое (в четыре с лишним раза) удорожание нефти при сокращении ее добычи более чем на 30%. Затяжной энергетический кризис больно ударил по экономике стран Запада и поставил

¹² Международно-политические последствия подписания договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Ситуационный анализ. ИМЭМО. Ноябрь 1970 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 6.

промышленно развитые страны перед необходимостью широкой перестройки их энергетического хозяйства.

В ИМЭМО в оперативном порядке были развернуты исследования по изучению комплекса последствий, вытекавших из энергетического кризиса, как для Запада, так и для Советского Союза. Эти проблемы стали предметом детального обсуждения на ситуационном анализе, проведенном в марте 1976 г. ИМЭМО совместно с Институтом атомной энергии им. И.В. Курчатова. Подготовкой ситанализа и составлением итогового документа занимался член-корреспондент АН СССР Е.М. Примаков.

Трудно было бы найти международно-политическую или международно-экономическую проблему 1970-х годов, которая не стала предметом детального обсуждения на ситуационных анализах в ИМЭМО под руководством Е.М. Примакова.

Исследовательский метод «мозговых атак», предложенный Примаковым, очень скоро вышел за пределы ИМЭМО, найдя своих энтузиастов в других академических центрах и даже в государственных ведомствах.

За разработку метода и проведение серии ситуационных анализов группа ученых ИМЭМО во главе с академиком (с 1979 г.) Е.М. Примаковым в 1980 году была удостоена Государственной премии СССР. С присуждением Государственной премии за ситанализы связана одна история, характеризующая личные качества Евгения Примакова. Составление списков на награждения, получение почетных званий, в том числе – лауреатов Государственной или Ленинской премий – в советские времена проходило через вертикаль партийных органов (партком, РК, МГК и соответствующие отделы ЦК КПСС). Окончательное решение о присуждении Госпремии принимало Политбюро, и только после этого оно официально оформлялось как решение Комитета по премиям.

Примаков, по согласованию с Иноземцевым, представил список кандидатов на получение Государственной премии, в который включил своих соавторов по разработке методики ситанализа – В.И. Гантмана и В.И. Любченко. Кандидатура последнего, как человека беспартийного, была отведена руководящими партийными инстанциями. Все попытки Примакова восстановить справедливость оказались безуспешными. Иной руководитель, посетовав на «высшие силы», отступился бы, найдя соответствующие слова утешения для несправедливо обойденного коллеги.

Примаков – и в этом проявился его характер – поступил иначе. Убедившись в тщетности своих усилий, он сообщил в «директивные инстанции», что снимет свою кандидатуру из списка представленных к награждению, если в этот список не будет включен Любченко. Ультиматум Примакова возымел действие. Партийные чиновники, не

желая скандала, вынуждены были удовлетворить законное требование Евгения Максимовича. Владимир Любченко заслуженно стал одним из лауреатов Госпремии.

К тому времени Примаков уже не работал в ИМЭМО. Еще в декабре 1977 г. постановлением Президиума Академии наук СССР он был назначен директором Института востоковедения, куда взял с собой и Любченко.

А за год до этого случилась история, которая так и осталась окончательно не проясненной. В свое время она оживленно обсуждалась в коридорах ИМЭМО, но не получила какого-либо официального подтверждения. Поэтому изложить ее можно только в той версии, в которой она сохранилась в памяти ветеранов Института.

В конце 1976 года Е.М. Примаков получил неожиданное приглашение от Генерального директора ТАСС Л.М. Замятина занять место его первого заместителя. Сам Замятин в это время готовился перейти на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего создаваемого им нового отдела. На недавно завершившемся XXV съезде партии он был избран в Центральный Комитет и был допущен в круг ближайших сотрудников Брежнева.

Перед Примаковым открывалась реальная перспектива стать преемником Замятина в ТАСС. По всей видимости, Евгений Максимович дал согласие на предложение Замятина, получив предварительное «добро» от Иноземцева. Во всяком случае, в конце 1976 года в ИМЭМО открыто говорили о предстоящем уходе Примакова, как о деле решенном, а кое-кто уже поздравлял его с высоким назначением.

Но предрешенное, казалось бы, назначение так и не состоялось, породив в Институте слухи о конфликте Примакова с Иноземцевым, сумевшим якобы воспрепятствовать уходу своего заместителя в ТАСС¹³.

Евгений Максимович никогда не комментировал эту историю. Отказался он ее прояснить и в беседах с автором этих строк. Зато всегда и неизменно он подчеркивал свое уважение к памяти Иноземцева. Именно Иноземцева он называет человеком, которому в наибольшей степени обязан своей академической карьерой¹⁴.

Действительно, при поддержке Иноземцева Е.М. Примаков в начале 1970-х годов был избран членом-корреспондентом АН СССР. Независимо от того, какова в действительности была роль Иноземцева в истории с несостоявшимся назначением Примакова в ТАСС, в декабре 1977 года Николай Николаевич не препятствовал его переходу в Институт востоковедения АН СССР, а два года спустя, поддержал кандидатуру Примакова при избрании в действительные члены Академии наук СССР.

¹³ В кулуарах Института тогда говорили, будто Иноземцев, действуя через кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, сумел дезавуировать уже завизированный секретарем ЦК М.В. Зимяниным проект решения Политбюро о переходе Примакова в ТАСС.

¹⁴ Запись беседы с Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г. В отношении к Иноземцеву проявляется все та же «тифлисская закваска» характера Примакова, верного дружбе и друзьям – живым и ушедшим.

Между ними сохранялись самые добрые отношения до конца внезапно оборвавшейся в 1982 году жизни Иноземцева. К сказанному можно было бы добавить: неизвестно, как сложилась бы дальнейшая карьера Примакова, если бы в 1976 году он ушел из Академии наук в ТАСС...

Когда в 1977 году Евгений Максимович перешел в Институт востоковедения, практика «мозговых атак» в ИМЭМО была продолжена. Преемником Примакова в качестве руководителя ситанализов по международно-политической проблематике в Институте стал Олег Николаевич Быков, назначенный в 1977 г. заместителем директора ИМЭМО.

* * *

Третий приход Примакова в ИМЭМО относится к октябрю 1985 года. Инициатором его назначения на пост директора Института, по признанию самого Евгения Максимовича, был тогдашний директор, академик А.Н. Яковлев, переходивший на работу в ЦК КПСС. Это назначение, по свидетельству Яковлева, далось нелегко, так как у нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева был свой кандидат на этот пост в ИМЭМО.

Сам Примаков в опубликованных воспоминаниях достаточно сдержанно описывает обстоятельства своего возвращения в ИМЭМО. «На моей кандидатуре настаивал Александр Николаевич, – пишет он. – Горбачев вначале колебался, а потом под «прессингом» Яковлева все-таки согласился. Я переходил с директорской должности в Институте востоковедения – тоже очень важного академического института, не уступающего по размерам ИМЭМО. И все-таки ИМЭМО был значимее в плане выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходившим в мире. Да и занимал особое место среди других академических институтов гуманитарного профиля своей близостью к практике, к структурам, вырабатывавшим политическую линию»¹⁵.

Судя по дальнейшему развитию событий, Горбачев не пожалел о своем решении, благодаря которому не только близко познакомился с Примаковым, но и включил его в состав своей команды. Это имело далеко идущие последствия для судьбы Евгения Максимовича, который получил возможность принимать непосредственное участие – беспрецедентный до тех пор случай для директора академического института – в формировании политического курса СССР. Возвращение Примакова в ИМЭМО имело принципиальное значение и для Института, интеллектуальный потенциал которого в течение второй половины 80-х годов был востребован в полной мере.

¹⁵ *Примаков Евгений*. Указ. соч. С.20-64.

В научном коллективе ИМЭМО, где Евгений Максимович всегда считался «своим», его возвращение встречено было с радостью.

Сразу же после утверждения Примакова директором ИМЭМО¹⁶ в Институт, как того требовали правила, со Старой площади приехал А.Н. Яковлев для официального представления коллективу нового директора. В данном случае это была очевидная формальность. Актный зал ИМЭМО, где собрались сотрудники Института, встретил Яковлева и Примакова дружными аплодисментами, которые – это было очевидно – шли от души. Яковлев не стал затягивать свое представление, пожелав новому директору успехов, а Примаков сказал, что вернулся «в свой коллектив» и выразил надежду на плодотворное сотрудничество и продолжение лучших традиций ИМЭМО.

Действительно, он был своим, причем, не только в ИМЭМО. «В каком бы коллективе он ни работал, – а их в его жизни было так много, – умел найти общий язык. В каждом коллективе к нему относились с уважением. В каждом печалились, если он уходил», – свидетельствует академик Аполлон Борисович Давидсон, знавший Примакова с начала 60-х гг. и работавший с ним в Институте востоковедения АН СССР.

Почему его любили? – продолжает Давидсон. – В каждом, с кем он работал, он видел человека. Никогда в жизни не был высокомерным. Кажется, это так просто. Но в жизни, увы, такое ведь встречаешь куда реже, чем надо, чем бы хотелось»¹⁷.

Академик Давидсон знает, что говорит. Именно Примакову он, родившийся в сталинской ссылке в Сибири и добившийся признания как крупнейший ученый-африканист, будучи человеком либеральных убеждений, беспартийным, а значит – «невъездным», обязан тем, что на шестом десятке лет получил, наконец, возможность напрямую общаться с иностранными коллегами. Сначала Примаков, невзирая на анкету, приобщил тогда еще профессора Давидсона к участию в престижных Дартмутских встречах, проходивших в СССР, а потом добился для него права выезда за границу¹⁸.

И это был далеко не единичный случай помощи Примакова тем коллегам, к которым у «компетентных органов» были претензии – зачастую надуманные. Из рассказов тех, кому помог по жизни Евгений Максимович, можно было бы составить солидного объема сборник. Эта помощь касалась самых жизненно важных вопросов. Кому-то он помог стать «выездным», кому-то помог с трудоустройством или жильем, кому-то, через свои связи – с дефицитными в СССР лекарствами.

¹⁶ Окончательная легитимация Е.М. Примакова в должности директора ИМЭМО, в соответствии с академическим Уставом, состоялась на Общем собрании Академии наук СССР 20 марта 1986 г. // Личное дело Е.М. Примакова. – Архив ИМЭМО РАН.

¹⁷ Давидсон Аполлон. «Давай подольше проживем». – Меркурий/Партнер. Совместный выпуск ТПП Российской Федерации и Белорусской ТПП. Москва – Минск. 2009, №3. С. 3.

¹⁸ Запись беседы с А.Б. Давидсоном 6 марта 2013 г.

Из воспоминаний академика Нодари Александровича Симония, работавшего с Примаковым еще в Институте востоковедения АН СССР:

«Много раз в кабинете Примакова я был свидетелем того, как кто-то обращался к нему с различными просьбами. У кого-то серьезно заболела жена, и нужно было достать лекарства или помочь с устройством в хорошую клинику. Кто-то жаловался на совершенно невыносимые жилищные условия и т.д. Примаков тут же доставал пухлую записную книжку и отыскивал нужную фамилию. Затем снимал телефонную трубку и звонил тем, кто мог бы помочь нуждающемуся человеку. У него были очень широкие контакты, даже на самом верху, что позволяло мгновенно решать тот или иной вопрос.

Помню, уже в ИМЭМО, в 90-е годы, ко мне обратился сотрудник моего отдела, переведенный к нам из разведки. Долгое время он был резидентом в странах Латинской Америки. Выйдя в отставку, вернулся в Москву, где, не имея жилья, вынужден был снимать комнату. Однажды он пожаловался мне на трудные условия жизни.

Я посоветовал ему обратиться с соответствующей просьбой к Примакову, который в это время руководил СВР. «Да разве Евгений Максимович меня примет?», – удивленно отреагировал бывший разведчик. Я сказал, чтобы он все же записался к нему на прием как сотрудник ИМЭМО, сославшись на меня.

Через несколько дней он прибежал ко мне и радостно сообщил, что ему дают квартиру в ведомственном доме СВР.

Я мог бы привести множество других примеров самого доброго отношения Примакова к людям. Когда он из разведки пришел в МИД, дипломаты вздохнули с облегчением. Примаков добился для них повышения зарплаты, наладил нормальную работу МИДовской столовой, значительно улучшил условия заграничных командировок и т.д. Точно также он заботился о своих сотрудниках, когда работал в СВР.

Все это Примаков делал вовсе не из расчета на ответную благодарность. Можно сказать, что для него это была «копилка добродетелей»¹⁹.

А были такие, кто считает Е.М. своим спасителем. Среди последних, в частности, профессор Юрий Ильич Рубинский, ветеран ИМЭМО, самый авторитетный отечественный политолог-франковед, долгое время проработавший советником посольства СССР, а потом и России в Париже. В середине 90-х гг. его сразила тяжелая болезнь, на лечение которой срочно требовалась крупная сумма. Необходимых средств в семье не было, и все могло бы закончиться печально, если бы Примаков, в то время министр иностранных дел России, узнав о тяжелой ситуации Рубинского, не распорядился в срочном порядке найти требуемую для хирургической операции сумму.

¹⁹ Запись беседы с Н.А. Симония 27 марта 2013 г.

Благодаря своевременной квалифицированной (и дорогостоящей) помощи, грозная болезнь была побеждена, и Ю.И. Рубинский вернулся к полноценной жизни и работе – сначала в российском посольстве во Франции, а затем в Институте Европы РАН, где он возглавил Центр французских исследований. Об этой истории Рубинский в начале 2000-х рассказал своему ученику, автору этих строк²⁰.

Сам же Е.М. никогда не вспоминал о том, кому, когда и чем помог. Но важно, что об этом помнят те – другие.

Едва ли не единственный из премьер-министров ельцинской поры он уйдет с этого поста, ничего не попросив в порядке компенсации – ни собственного банка, ни фонда своего имени, ни солидного пакета акций в Газпроме или в другой сверхприбыльной компании – Ни-че-го. Однажды ему задали вопрос: «Трудно жить не берущему в условиях нынешней России?» Он честно ответил: «Трудно»²¹.

С чистыми руками Примаков вошел во власть. С чистыми руками он из нее и вышел. Он был своим всюду, где работал – в Радиокomitee и в «Правде», в ИМЭМО и в Институте востоковедения, в Службе внешней разведки и в Министерстве иностранных дел, в правительстве Российской Федерации и в Торгово-промышленной палате. Везде его искренне уважали и столь же искренне сожалели, когда он переходил на другую работу.

И только для «Большой семьи» президента Бориса Ельцина академик Примаков не стал «своим». Он заведомо был для нее чужим, как чужими для окружения императора Николая II были Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин, пытавшиеся спасти Россию от грозящей ей гибели.

Академик Нодари Александрович Симония, знавший Примакова со студенческих лет, вспоминал, что когда Евгений Максимович в 1977 г. возглавил Институт востоковедения, имевший очень давние традиции, там поначалу встревожились, полагая, что он развернет Институт к современности в ущерб налаженным академическим исследованиям древнего и средневекового Востока. Но очень скоро эти опасения рассеялись. Примаков действительно актуализировал проблематику Института востоковедения, связав ее с насущными потребностями советской внешней политики, но полностью сохранил то ценное и уникальное, что было присуще исследованиям, начинавшимся еще в 1818 г. в Азиатском музее при Императорской Академии наук, от которого ведет свою родословную Институт востоковедения. С приходом туда Примакова научная жизнь и общая атмосфера в Институте заметно оживились

²⁰ Из личных воспоминаний автора.

²¹ Меркурий/Партнер. 2009, №3. С. 7.

В Институте очень оценили, что новый директор не присваивает чужого авторства, а пишет свои труды самостоятельно, что свойственно далеко не всем руководителям научных учреждений.

Н.А. Симония, тридцать лет (1958–1988 гг.) проработавший в Институте востоковедения, признавался: «Примаков был первым и последним в моей жизни начальником, который не заставлял меня писать за него»²².

Все свои книги на посту директора ИВАНа Примаков написал сам, выкраивая то небольшое время, которое у него оставалось от административной работы и частых зарубежных командировок. Как свидетельствовал Н.А. Симония, Примаков старался ежедневно на час-полтора отключаться от текущих дел и, расхаживая по кабинету, диктовать стенографистке главы из очередной книги, после чего правил и дополнял отпечатанный текст. Первый вариант готовой рукописи он просил Симонию или кого-то еще, чьим мнением дорожил, прочитать и высказать замечания, к которым относился серьезно и чаще всего учитывал²³.

Уже одно это обеспечило Примакову симпатии научного коллектива, не привыкшего к авторской самостоятельности начальника. За восемь лет работы в ИВАНе Примакова там высоко оценили и очень сожалели, когда он согласился вернуться в ИМЭМО.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Олега Николаевича Быкова, бывшего заместителя директора ИМЭМО:

«Евгений Максимович Примаков директорствовал в ИМЭМО с 1985 по 1989 гг. Но фактически в руководстве Института был уже в 1970-1977 гг., когда по приглашению Николая Николаевича Иноземцева работал его первым заместителем. И вовсе не для того, чтобы, как он сам в шутку говорит, «сидеть в лавке» во время частых и длительных отлучек директора, трудившегося на правительственных дачах в группах по подготовке материалов для высшего партийного начальства. Николаю Николаевичу нужен был надежный соратник, с которым он мог бы разделить ответственность за уникальный центр научного поиска. И он знал, кого пригласить – единомышленника, исследователя с большим творческим потенциалом, человека молодого, но уже с богатым жизненным опытом, достаточно показавшего себя при всех зигзагах судьбы»²⁴.

Примаков хорошо знал не только руководящий состав, но и многих рядовых сотрудников Института. Он имел достаточно полное представление об основных направлениях научных исследований, проводимых в ИМЭМО. Поэтому ему

²² Запись беседы с Н.А. Симония 27 марта 2013 г.

²³ Там же.

²⁴ Запись беседы с О.Н. Быковым 18 февраля 2013 г.

потребовался минимум времени, чтобы освоиться на «новом старом» месте и взять в свои руки руководство текущими делами.

* * *

Новый директор начал с оптимизации организационной структуры Института, увязав ее с задачей актуализации научных исследований и повышением их практической отдачи. Здесь он проявил больше понимания специфики научного процесса, чем его предшественник, скорректировав некоторые непродуманные кадровые решения Яковлева.

Примаков создал ряд новых научных подразделений, упразднив часть прежних. Сектор общих проблем империализма был реорганизован в Отдел общих проблем политической экономии современного капитализма с целью активизации фундаментальных исследований в области экономической теории. Реорганизации подвергся также Отдел международных экономических отношений, в котором были образованы три сектора и пять тематических групп. Для решения задачи комплексной компьютеризации научных исследований Примаков создал в Институте Отдел информатики и экономико-математических методов. В рамках Центра западноевропейских исследований был сформирован Сектор проблем западноевропейской интеграции.

В апреле 1987 г. в Институте была сформирована Межотдельская рабочая группа по изучению новых форм внешнеэкономических связей во главе с И.С. Королевым, призванная разрабатывать предложения по долгосрочной стратегии развития внешнеэкономических связей СССР и оперативно готовить аналитические материалы по новым формам управления внешнеэкономическими связями и новым инструментам внешнеэкономической политики.

Другим важным направлением деятельности нового директора стало выдвижение перспективных молодых научных сотрудников на руководящие должности. На повышение пошли И.С. Королев, назначенный заместителем директора Института, А.А. Дынкин, будущий академик и директор ИМЭМО, А.Г. Арбатов и В.Г. Барановский – тоже будущие академики, Р.Р. Симонян и др. В общей сложности в ходе реорганизации восемь руководящих должностей в Институте заняли научные сотрудники в возрасте до 40 лет.

Благодаря Примакову стало возможным возвращение в ИМЭМО Германа Германовича Дилигенского, выдающегося ученого, основателя нового направления в отечественной политологии. Вынужденный покинуть ИМЭМО в 1982 г.²⁵, Дилигенский

²⁵ В 1982 г. Институт и его директор стали мишенью для идеологических нападков со стороны реакционной части аппарата ЦК КПСС и КГБ СССР. В результате развязанной против него кампании академик Н.Н.Иноземцев скоропостижно скончался, а в ИМЭМО работала комиссия РК - МГК - КГБ, осуществлявшая тотальную проверку и выборочную кадровую чистку, под которую попал и д.и.н.

нашел «убежище» в Институте международного рабочего движения, где работал в качестве заведующего сектором. Примакову удалось уговорить его вернуться в ИМЭМО и возглавить исследования социальных и внутривластных проблем развитых капиталистических стран. Это произошло в мае 1987 г., а в январе 1988 г. Примаков доверил Дилигенскому руководство журналом «Мировая экономика и международные отношения», добившись согласия на это назначение в ЦК КПСС.

Дилигенский заменил на этом посту ветерана партийной журналистики, 87-летнего Я.С. Хавинсона, деликатно, со всеми надлежащими почестями, отправленного Примаковым на пенсию. Под руководством Дилигенского журнал «МЭиМО» превратился в лучшее отечественное периодическое издание в области международной политологии и экономики. Когда в «лихие 90-е» ИМЭМО переживал самые тяжелые в своей истории времена, журнал Дилигенского достойно поддержал репутацию Института и стал нравственной и профессиональной опорой для тех, особенно молодых, кто сохранил верность науке.

Для директорского стиля Примакова характерным было сочетание требовательности к выполнению планов и заданий с уважительным отношением ко всем без исключения сотрудникам. Директор интересовался не только содержательной стороной подготавливаемых в секторах и отделах материалов, но и тем, кто именно готовит эти материалы. Он хорошо знал, кто чего стоит, на кого можно опираться, кому доверять.

Решение организационных и кадровых вопросов было важной, но, разумеется, не главной заботой нового директора ИМЭМО. Начиналась перестройка, и от Института ожидали теоретического переосмысления новых реальностей – мировых и национальных, требовались новые подходы к решению жизненно важных проблем внутреннего и внешнего порядка, нужны были и конкретные рекомендации. Примаков ставил все эти вопросы перед научным коллективом ИМЭМО. «Сегодня, с расстояния пройденных лет, когда думаешь о том, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление, мягко говоря, консервативных элементов, иногда становится просто смешно», – написал он в своих воспоминаниях, опубликованных на исходе 90-х годов.²⁶

Первым важным делом Примакова по возвращении в ИМЭМО стало участие в подготовке материалов к XXVII съезду КПСС, намеченному на февраль-март 1986 года. Он находился в постоянном контакте с Рабочей группой ЦК, в которую входили, кроме

Г.Г.Дилигенский. Вместе с Дилигенским в ИМРД ушли тогда и два его ближайших соратника – д.и.н. К.Г.Холодковский и к.и.н. И.М.Бунин. Впоследствии Холодковский и Дилигенский вернутся в ИМЭМО, а Бунин создаст независимый Центр политических технологий.

²⁶ Примаков Евгений. Указ соч. С.26.

Яковлева, и другие соратники Горбачева. Институт представлял в Рабочую группу подготовительные материалы, часть которых была использована в Политическом докладе, с которым на съезде выступил М.С. Горбачев, а также в докладе главы правительства Н.И. Рыжкова «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на период до 2000 года». Эти материалы вошли в итоговые документы съезда, в т.ч. в новую редакцию Программы КПСС, принятую на XXVII съезде. Вклад ИМЭМО и его директора в подготовку решений съезда наверху оценили должным образом. Академик Е.М. Примаков был избран на съезде кандидатом в члены ЦК КПСС. Это был первый важный шаг в его политической карьере.

С 1986 года возможности участия Примакова и его Института в выработке рекомендаций для команды Горбачева стали более широкими, хотя сам Евгений Максимович не склонен их преувеличивать, как и степень вовлеченности ИМЭМО в формирование политики перестройки. «Конечно, – говорил он спустя четверть века, – ИМЭМО сыграл свою роль в разработке политики перестройки. Наверх направлялись записки о нашем видении ситуации и за рубежом, и в стране, но формулировочно в этом процессе мы не участвовали. Думаю, что подготовка выступлений Горбачева на эту тему осуществлялась его ближайшим окружением, в которое входили в то время А.Н. Яковлев, В.А. Медведев и другие»²⁷.

Тем не менее, с началом перестройки Примаков ориентировал Институт на переосмысление социально-экономических и военно-политических реальностей с точки зрения национально-государственных интересов СССР, рассматриваемых в контексте новейших тенденций мирового развития.

Для научного коллектива Института существенно расширилось поле интеллектуальной свободы. Слабели узы самоцензуры, заметно оживились и стали более откровенными дискуссии по актуальным вопросам внутренней и международной жизни. Предварительная обкатка новых подходов, диктовавшихся велением времени, проходила на трех основных площадках – на заседаниях Ученого совета, Методологического координационного совета ИМЭМО по теоретическим проблемам политической экономии современного капитализма и на ситуационных анализах – любимом детище Е.М. Примакова.

В ИМЭМО развернулись активные поиски новых внешнеполитических подходов, способных, с одной стороны, снизить степень угрозы мировой термоядерной войны, а с другой – обеспечить надежную безопасность СССР при снижении непосильных для советской экономики военных расходов. Главную роль в этих научных разработках играл

²⁷ Запись беседы с Е.М.Примаковым 31 января 2013 г.

созданный Е.М. Примаковым в начале 1986 г. Отдел разоружения и международной безопасности во главе с доктором исторических наук А.Г. Арбатовым. На вопрос о том, легче ли стало в годы перестройки доносить до «самого верха» разумные предложения по оборонной политике по сравнению с временами Брежнева или Андропова, академик Арбатов, спустя четверть века, отвечает: «Разумеется, стало гораздо легче, во многом благодаря Примакову. Мы внесли большой вклад в подготовку договоров РСМД, ДОВСЕ, СНВ-1²⁸ – трех, на мой взгляд, самых великих в истории соглашений по разоружению. По этой проблематике нами было подготовлено очень много записок и стратегических расчетов»²⁹.

Примаков усилил внимание к изучению проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, считая его перспективным направлением не только во внешнеэкономической, но и во внешнеполитической стратегии СССР. В частности, он восстановил в рамках Отдела тихоокеанских исследований упраздненный его предшественником сектор социальных и политических проблем Японии, отличавшийся высоким уровнем, заданным в свое время доктором экономических наук Я.А. Певзнером и сменившим его В.Б. Рамзесом. «Мысль о необходимости многовекторной внешней политики Советского Союза пришла с пониманием того, что начался период складывания многополярной мировой системы и особенно неравномерности развития, которая уже проявлялась в том, что особую роль начинали играть Китай и Индия», – вспоминал Примаков³⁰.

Усилия Института по оказанию помощи правительственным структурам не ограничивались проблематикой внешней и оборонной политики. Прикладные разработки охватывали и широкий спектр экономических вопросов. В 1986-1987 гг. в ЦК, Совмин, Госплан, а также в отраслевые министерства было направлено большое число аналитических и информационных записок. Под руководством Примакова Институт работал на подъеме, в полную силу своих интеллектуальных возможностей. Ничто, казалось, не обещало перемен, но на исходе весны 1989 г. по Институту поползли слухи о том, что Примакова «от нас забирают». Вскоре слухи эти подтвердились.

То, что Горбачев «положил глаз» на Примакова, стало ясно, начиная с 1987 года. До этого было участие Евгения Максимовича в качестве эксперта в переговорах М.С.

²⁸ СНВ-1 – Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений был подписан 30-31 июля 1991 г. в Москве. По условиям этого договора, США и СССР обязывались в течение семи лет сократить свои ядерные арсеналы до 6 тыс. единиц. Договор предусматривал также запрещение производства, испытания и развертывания баллистических ракет воздушного запуска, подводных пусковых установок баллистических, крылатых и орбитальных ракет. По причине последующего развития событий и распада СССР реализация всех этих договоренностей была осложнена. Сам договор вступил в силу только в 1994 г. В декабре 2001 г. США и Россия объявили о выполнении обязательств по договору СНВ-1. Официально срок действия договора истек 5 декабря 2009 г. – *П. Ч.*

²⁹ Запись беседы с А.Г. Арбатовым 27 декабря 2012 г.

³⁰ Запись беседы с Е.М.Примаковым 31 января 2013 г.

Горбачева с Р. Рейганом в Женеве (ноябрь 1985 г.), Рейкьявике (октябрь 1986 г.) и Вашингтоне (декабрь 1987 г.), а затем поездки с ним в Индию (ноябрь 1988 г.) и Китай (май 1989 г.). «С Горбачевым я близко познакомился во время зарубежных поездок, – вспоминал Примаков. – Тогда была введена такая практика: небольшая группа ученых и практических работников, в основном из ЦК КПСС, направлялась за несколько дней до визита Горбачева в ту или иную страну, где проводились пресс-конференции, осуществлялись встречи с общественностью, одним словом изучалась обстановка, в которую должен был вписаться визит Генерального секретаря. Как правило, прибыв в ту или иную страну, перед началом своих встреч с ее руководителями Горбачев созывал нашу группу в посольстве, где обычно велся непринужденный откровенный разговор. Естественно, я в нем участвовал. Обычно такая встреча, но в еще более суженном составе (например, в Индии не был привлечен даже наш посол) проводилась и на заключительном этапе визита Горбачева для подведения итогов. Там наряду с другими говорил и я»³¹.

В ходе этих визитов Горбачев все чаще обращался за консультациями к Примакову, выделяя его из числа экспертов. К тому времени академик Примаков стал депутатом Верховного Совета СССР (февраль 1988 г.). У генсека, видимо, крепло намерение предложить Примакову более ответственную работу – на государственном или партийном поприще, но он пока не мог решить, где лучше использовать таланты своего нового советника. Поначалу Горбачев предложил Примакову пост советского посла в Индии, но Примаков отказался, сославшись на состояние здоровья супруги.

Начальство, как известно, не любит отказы подчиненных. Тем не менее, Примаков не утратил расположения Горбачева. Он оставался одним из его доверенных советников по широкому кругу вопросов, охватывавших вопросы внешней и оборонной политики страны, а также экономики – мировой и советской. Горбачев взял паузу, которая продлилась более полугода.

Тем временем Примаков занимался Институтом и воссозданным в марте 1988 г. по его инициативе Отделением проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. В состав Отделения вошли четыре академика³² и шесть членов-корреспондентов АН СССР³³, возглавлявшие академические институты международного профиля. Академиком-секретарем нового Отделения на Общем собрании АН СССР 18 октября 1988 г. был избран Е.М. Примаков, ставший тогда же и членом Президиума Академии наук СССР.

³¹ Запись беседы с Е.М.Примаковым 31 января 2013 г.

³² Г.А.Арбатов, А.Г.Милейковский, Е.М.Примаков, А.М.Румянцев.

³³ О.Н.Быков, В.В.Вольский, Анат.А.Громыко, В.В.Журкин, Г.Ф.Ким, А.А.Кокошин.

«Так что занимался я тогда делами интересными и перспективными, – вспоминает Примаков. – Но опять подступали перемены в моей жизни.

Хорошо помню тот майский день [1989 г]. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил записку, подготовленную сотрудниками о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвенела «вертушка», и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня – он мне никогда не звонил до этого – голос Горбачева:

- Женя, помнишь наш разговор в Пекине? Я тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

- Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, – ответил я, не сомневаясь, что мне как депутату предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

- Хорошо отреагировал, – прозвучало в ответ. – Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

- Я ведь занимаюсь наукой.

- Ну и что, – сказал Горбачев, – дело требует, чтобы занялся другим.

- Но как быть с институтом?

- Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком, В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, отвечая на вопрос: а как Примаков совместит свою работу Председателя Совета Союза с работой в Академии наук..., М.С. Горбачев заявил: «Он уходит со всех своих постов в академии».

Следует отметить, что такой «поворот» со мной не оговаривался. Более того, когда несколько позже заместителем Председателя Совета Министров СССР назначили академика Л.И. Абалкина, он обусловил свое согласие сохранением за ним директорского поста в Институте экономики. Я же был поставлен перед фактом вынужденной отставки со всех академических должностей»³⁴.

Постановлением Президиума Академии наук от 13 июня 1989 г. академик Е.М. Примаков был освобожден от должности директора ИМЭМО «в связи с избранием Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР». Тем же постановлением преемником Примакова в ИМЭМО был назначен член-корреспондент АН СССР Владлен Аркадьевич Мартынов. Все сотрудники были довольны, что преемником Примакова стал не «варяг», а человек из своей среды.

³⁴ *Примаков Евгений*. Указ соч. С. 63-64.

В Институте Евгения Максимовича провожали со смешанными чувствами. С одной стороны, были рады за него, гордились, что их директор, возглавив верхнюю палату парламента (Верховного Совета), становится крупным государственным деятелем. К тому же предполагалось, что в ближайшее время КПСС должна передать значительную часть властных полномочий Советам народных депутатов, а это придавало особый вес его новой должности. С другой стороны, в Институте понимали, что с уходом Примакова, чей авторитет был безоговорочным, обстановка внутри и вокруг института будет уже другой.

* * *

Уход Примакова в большую политику не привел к разрыву его связей с ИМЭМО. Эти связи сохранялись. На всех занимаемых им государственных постах Примаков, в случае необходимости, всегда обращался к своим коллегам по ИМЭМО. Когда в кризисный 1998 год он стал Председателем Правительства Российской Федерации, первым, кто пришел к нему на помощь, был Институт мировой экономики и международных отношений. Уже в день назначения в Белый дом Примаков получил из Института четкий план выхода из дефолта под названием «Первоочередные экономические меры правительства». В этом трехстраничном документе, составленном В.А. Мартыновым, А.А. Дынкиным и Л.М. Григорьевым, были буквально помесячно расписаны предлагаемые шаги по преодолению финансово-экономического кризиса. Не случайным в связи с этим стало назначение одного из авторов документа, А.А. Дынкина, на пост экономического советника Председателя Правительства Российской Федерации.

Когда Евгений Максимович завершил государственную карьеру, он, можно сказать, в четвертый раз вернулся в ИМЭМО, на базе которого по его инициативе в 2011 г. был создан Центр ситуационного анализа (ЦСА), призванный готовить срочные аналитические материалы для политического руководства России. Директором ЦСА стал академик В.Г. Барановский, а Научным руководителем – Е.М. Примаков, который буквально до последних дней жизни активно участвовал в организации и проведении ситуационных анализов. Столь же активно участвовал он и в текущей деятельности Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, базирующегося в ИМЭМО.

В Институте бережно хранят память о Евгении Максимовиче, сохраняют его научное наследие и стремятся следовать его заветам. Институт ежегодно организует «Примаковские чтения» – престижный международный научно-экспертный форум, посвященный новейшим тенденциям и проблемам мировой экономики, политики и международной безопасности. Этот форум за короткий срок его проведения обеспечил себе высокий рейтинг в мировом научно-экспертном сообществе.